СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Нигматуллина Камилла Ренатовна, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: k.nigmatullina@spbu.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА: ПОИСК ОБЩИХ ПОДХОДОВ В ЗАПАДНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья представляет собой обзор современных исследований профессиональной культуры журналиста в России и за рубежом с целью вывести общие теоретические и методологические предпосылки объединения подходов. Актуальность темы обусловлена тем, что журналистская культура в России является относительно новым объектом рассмотрения в глобальных сравнительных исследованиях, их результаты концептуально не осмыслены в русскоязычной литературе. Автор последовательно рассматривает работы за период с 2007 по 2018 г. и предлагает общие направления дальнейших исследований. В статье сталкиваются нормативный подход российских ученых, выражающийся в исследовании психологических и социологических аспектов журналистской деятельности, и институциональный подход зарубежных ученых, сосредоточенных на изучении профессиональных ролей и реализации их на практике. Объединяющей категорией автор считает совокупность профессиональных ценностей, стандартов и в конечном счете профессионализма в журналистике, который равноценно актуален в современной научной повестке в России и за рубежом.

Ключевые слова: *профессиональная культура журналиста, журналистские культуры, профессиональные ценности, профессионализм.*

Kamilla R. Nigmatullina, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Digital Media Communications, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: k.nigmatulina@spbu.ru

PROFESSIONAL CULTURE OF A JOURNALIST: THE SEARCH FOR COMMON APPROACHES IN WESTERN AND RUSSIAN STUDIES

The article is a review of contemporary studies of the professional culture of a journalist in Russia and of journalistic cultures in foreign works with the aim of finding the general theoretical and methodological background of the unification of approaches. The journalistic culture in Russia has been a relatively new object of consideration in global comparative studies but their results are not conceived in

Russian-language literature conceptually. The author consistently examines the approaches, methods and their limitations for the period 2007–2018 and suggests common problems and general categories for further research. The article describes a confrontation of the normative approach characteristic of Russian studies expressed in the investigation of psychological and sociological aspects of journalistic activity and the institutional approach of foreign studies, which focuses on the examination of professional roles in their perception and implementation in practice. The totality of professional values, standards and, ultimately, professionalism in journalism are seen by the author as a unifying category.

Key words: *professional culture of a journalist, journalistic cultures, professional values, professionalism.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2019.84104

Введение

Изучение по всему миру общих идей и установок журналистов как профессиональной группы остается актуальным уже более полувека. Примерно с 1960-х гг. исследования за рубежом и в России (Советском Союзе) развивались параллельно – до первой совместной сравнительной работы в 1990-х гг. В 2000-х российская наука, переняв теоретический базис и методологические подходы, стала частью глобальных международных проектов, посвященных профессиональной культуре журналиста, или – в западной терминологии – журналистским культурам. Однако общий фокус исследований был сконцентрирован на сравнительном анализе медиасистем, а не на методологическом объединении исследовательских традиций в России и за рубежом. Параллельно формируются национальные школы изучения журналистских культур, результаты деятельности которых не доходят до мировой аудитории из-за отсутствия переводов на английский язык. Так сформировался серьезный запрос на поиск соответствий в мировой и отечественной научной теории при исследовании профессиональной культуры журналиста. Данная статья является попыткой разрешить противоречия и предложить исследовательский фокус, вбирающий в себя лучшие элементы национального и глобального подходов.

Российский подход: психология и ценности профессиональной группы

История исследований журналистской культуры в Советском Союзе и России подробно представлена в работе М. Е. Аникиной (2012).

В целом исследования советского времени ставили вопросы социального профиля журналиста, условий работы, профессиональных навыков, психологии труда, законодательства и этического регулирования.

1990-е, переломные для страны годы, переместили научный интерес на работу отдельных каналов распространения коммуникации, например проект «Перспективы развития телевидения и радиовещания». В это же время в исследовательские задачи включаются вопросы свободы и независимости журналистов. К концу XX в. Л. Г. Свитич и А. А. Ширяева формулируют следующие тренды в профессии: феминизация, омоложение, интеллектуализация (Свитич, Ширяева, 2005). Социально-профессиональные установки журналистов рубежа веков нашли отражение в масштабных репрезентативных исследованиях многих авторов (Засурский, Колесник, Свитич, Ширяева, 1998; Свитич, Ширяева, 2007).

Но, что еще важнее, 1990-е стали началом совместных работ с зарубежными исследователями. В 1992 г. прошло первое российско-американское исследование профессиональных ориентаций журналистов двух стран[1], которое обнаружило значительное сходство в социально-демографических характеристиках и профессиональных ориентациях. Впоследствии этот опыт повторился. В дальнейшем внимание отечественных исследователей также занимали вопросы свободы и независимости, журналистских практик, журналистского образования, взаимоотношений СМИ и аудитории.

Кроме российско-американского исследования 1992 г. и работы специалистов МГУ, СПбГУ и ВШЭ над российским кейсом для международных сравнительных исследований, в отечественной научной практике не было попыток системного анализа профессиональной культуры журналиста с использованием специфической методологии. Однако упомянутые исследования уже были встроены в общемировой контекст и учитывали достижения зарубежных ученых.

Термин *профессиональная культура журналиста*, который часто употребляется современными отечественными исследователями в контексте журналистского образования и становления в профессии молодых специалистов, определяется как «непростая разветвленная система норм и правил, функционирование которой должно осуществляться на основе восприятия журналистики как социального института» (Михайлова, 2014). В этом и других определениях акцент сделан на нормативности в профессии (Михайлова, 2013). Категории нормы, идеалов и долженствования, а также понятия формирования культуры и ее воспитания прони-

зывают большую часть дефиниций, связанных с профессиональной культурой журналиста в отечественной литературе. Реже авторы рассуждают о легитимации журналистской деятельности через повседневные журналистские практики. Характерно также оперирование понятиями таланта, миссии и творчества (Олешко, 2014). Большой массив работ посвящен различным аспектам профессиональной культуры – информационной, корпоративной, методологической, правовой, политической, социологической и др. Выводы некоторых публикаций указывают на отсутствие единой методологической базы для регулярных и лонгитюдных исследований журналистской культуры в России (Симкачева, 2008).

Декан факультета журналистики МГУ Е. Л. Вартанова является последовательным исследователем российской медиасистемы и ее рыночных трансформаций. В качестве компонента анализа медиасистем она прибегает к рассмотрению профессионализации журналистов России. Цитируя С. Риза, Вартанова делает важное замечание о том, что внутренние региональные различия в странах могут косвенно вмешиваться в межнациональные сравнения (Vartanova, Balčytienė, Raeymaeckers, 2011:3). В этом смысле, считает она, может быть интересно сосредоточиться на различиях в иерархической позиции и карьерных путях журналистов, специфических элементах канала информации, возрасте, образовании и т. д.

В 2018 г. Е. Л. Вартанова и М. М. Лукина в коллективной монографии с общим сравнительным контекстом (Vartanova, Lukina, 2018) описали российский кейс по теме подотчетности медиа *(accountability)*. Авторы приходят к выводу, что российский кейс не относится напрямую к трем моделям медиасистем Халлина и Манчини из-за сильной связи в триаде *журналисты – общество – государство*. Явным изменением в журналистской культуре авторы назвали переход от пропагандистской модели к «более профессиональным ценностям», имея в виду западноориентированные ценности объективности и отстраненности. Отдельным видом подотчетности называется журналистское образование.

В 2005 г. И. М и М. И. Дзялошинские опубликовали результаты социологического исследования, посвященного самооценке российских журналистов (Дзялошинский, Дзялошинская, 2005). Журналисты отвечали на вопросы о значимости и влиятельности профессиональных журналистских объединений, а также пытались определить возможность их воздействия на политические и общественные институты. Вместе с тем опрос включал и элементы

изучения автономности и журналистских ролей. Результаты этого исследования не получили какой-либо теоретической интерпретации, ограничиваются рекомендациями журналистам, что говорит о нормативной интенции авторов.

Предыдущие публикации И. М. Дзялошинского, особенно хрестоматийный труд 1996 г. «Российский журналист в посттоталитарную эпоху», объясняют общий подход отечественных исследователей к понятию *профессиональная культура журналиста* через понимание журналистского сообщества как профессиональной группы, обладающей специфической групповой психологией, которая формирует особый тип личности. Не случайно в таких работах цитируются труды преимущественно психологов и социологов, а в названии или тексте фигурирует понятие *портрет журналиста,* или *профессиограмма*. Очевидно, что описание журналистского сообщества как социально-демографической и профессиональной группы со специфической психологией является наследием советских исследований, направленных на изучение состава профессиональной группы и ее личностно-мотивационных характеристик.

Часто результаты исследований сопровождаются не только интерпретацией, но и оценкой данных. Например, в исследовании Л. Г. Свитич и А. А. Ширяевой, методологически повторяющем социологические исследования 1990-х, при интерпретации данных о журналистской независимости и автономности авторы ставят как бы риторический вопрос: «Хорошо это или плохо? В журналистике 90-х периоды пика «журналистской вольницы» имели свои очень серьезные издержки» (2005: 100). Социологические исследования также соотносят полученные результаты с идеальной моделью профессионального сообщества. Примечательно и то, что основной корпус работ, посвященных профессиональным ценностям журналистов, построен на анализе опыта работы факультетов журналистики и ориентирован на идеальные установки и компетенции будущих специалистов.

Интересно психологический подход выразился в тезисе исследовательницы М. В. Симкачевой: «Профессионализм во многом зависит от профессионального сознания самих журналистов, от того, как они сами оценивают журналистику» (2008). Таким способом невозможно выделить абстрактные критерии для определения профессионализма и общие критерии понимания журналистской культуры. Журналистика представляется скорее видом творчества, обусловленного индивидуальными особенностями личности.

Отметим, что отсутствие общей терминологии в российских и зарубежных исследованиях не всегда позволяет проводить прямые аналогии. В отечественной литературе встречается смешение понятий, например приравнивание этических стандартов к ценностям журналистики. Понятие журналистской культуры не всегда трактуется однозначно, часто относится только к изучению студенческих групп и журналистскому образованию. Вопросы вызывает и репрезентативность отечественных исследований последних лет, не позволяющая делать выводы о текущем состоянии российской журналистики, переживающей цифровой транзит.

Таким образом, за советский и новейший период российской истории была накоплена достаточная эмпирическая база социологической и психологической методологии, в которой фокус интерпретации результатов заключался в ценностных особенностях восприятия журналистами (в том числе студентами) своей деятельности, а также в творческом компоненте профессии и в социальной миссии журналистики.

Зарубежный подход: профессиональные роли и журналистские миры

Исследования журналистских культур в США и Европе были автономными, пока на авансцену не вышли сравнительные исследования. Именно в них была концептуализирована теоретическая база изучения журналистских культур *(journalism cultures* и *journalistic cultures)*.

В предисловии к специальному выпуску журнала *Journalism Studies* 2017 г. его редакторы Т. Ханицш и Ф. Хануш пишут о том, что, несмотря на более чем полувековую традицию исследования оценки журналистами себя и профессии, большие сравнительные проекты появились только в конце XX в. (Hanusch, Hanitzsch, 2017). Начало положил Д. Уивер в 1998 г. в своем исследовании 21 страны (Weaver, 1998), к 2012 г. его список расширился до 31 страны, а результатом стала обширная монография «Глобальный журналист в XXI веке». Проект Т. Ханицша «Миры журналистики»[2] возник как ответ на методологические проблемы изысканий Уивера и команды. Первая волна сравнительного анализа прошла в 2007–2011 гг. (начиная с 7 стран в 2006 и заканчивая 21 страной в 2011), вторая сразу следом – в 2012–2015 (уже более 60 стран, за все время исследования было опрошено 27 тысяч журналистов), а в 2018 (66 стран на начальном этапе) ученые объявили о запуске третьей волны.

Это было далеко не первое сравнительное исследование *журналистских миров*, но именно работа Т. Ханицша «Деконструкция журналистской культуры» (*Deconstructing journalism culture*) в 2007 г. дала старт популяризации подобных исследований, так что на 2018 г. международная исследовательская группа имела 75 публикаций в высокорейтинговых журналах и специализированных выпусках к ним.

Основная теоретическая предпосылка исследований базировалась на дискурсивности журналистики (которая является социальным институтом и дискурсивно (вос)производится) и принципах дискурсивного институционализма. Таким образом, журналистика состоит из правил, конвенций и практик, которые как ограничивают, так и конструируют ее институт в формальном и неформальном виде. При этом нормы, ценности и практики журналистики встроены более глобально в дискурс, в основе которого находится личность (идентичность) журналиста и его локус в обществе. Журналистика и ее культуры, по Ханицшу, не находятся в статике идеалов и норм, а динамично развиваются в ежедневных профессиональных практиках.

Журналистская культура отражается на когнитивном уровне (восприятие и интерпретация новостей и новостной работы), на оценочном уровне (восприятие профессиональных ролей и идеологий), на перформативном уровне (методы репортерской работы и новостные форматы). Ханицш отмечает, что понятия идеологий и культур необходимо развести. Он также ввел таксономию культуры журналистики, состоящую из территориальных, эссенциалистских, ориентированных на ценности, ориентированных на среду, организационных и профессиональных журналистских культур.

Журналистская культура существует в виде набора идей (ценности, отношения и верования), практик (создание новостей) и артефактов (новостного контента). Для кросскультурных исследований были выбраны категории/составляющие журналистских ролей, журналистской этики, журналистского доверия (внутреннее), а также испытываемое влияние и редакционная автономия (внешнее).

Исследовательские уровни – общественный (социетальный), организационный и индивидуальный – отражают *матрешку*, в которой индивидуальный журналист работает в редакции, функционирующей в конкретной стране. Журналисты, которые имеют общие черты на индивидуальном уровне, объединяются в журналистские среды (*journalistic milieu*), журналисты в рамках одного ньюсрума разделяют общую организационную культуру, а на уровне стран – отражают специфику национальной журналистской культуры.

Объектом исследования в рамках теории журналистских культур становится комбинированный набор медиаструктур, производство контента и медиаконтент (структурный, производственный и текстуальный уровни). Основной уровень анализа – государство или нация, а основной метод изучения – сравнительный. Общий исследовательский подход – акторориентированный, согласно которому личные и профессиональные ценности и фактическая производительность акторов (журналистов) формируют ежедневные практики, и эти практики, в свою очередь, формируют дискурсы, которые одновременно создают и отражают конвенции внутри медиа, а также отношения между медиа и другими институтами и группами в обществе (Halliki, 2015).

В другой основополагающей статье Т. Ханицша «Картируя журналистские культуры разных наций» *(Mapping journalism cultures across nations)* отмечается, что впервые предпринята попытка объединения трех исследовательских уровней, ранее существовавших раздельно (Hanitzsch T. et al., 2011). Это 1) восприятие журналистами институциональных ролей, 2) эпистемический уровень и 3) этические идеологии. В течение последующих 10 лет Ханицш и соавторы развивали отдельные положения, а также методологию описанной теоретической модели.

Все чаще современные ученые пишут о неоднородности культур и смешении профессиональных ролей журналистов в повседневной работе как результате влияния множества факторов. Исследователи пытаются выйти за рамки изучения мейнстримных медиа, легальных ньюсрумов, исключительно текстовых СМИ (пока что они все еще доминируют в работах), политических журналистов, кейсов стран западных демократий и многих других устоявшихся в науке рамок.

Сам Т. Ханицш выделил следующие ограничения исследования: маленькая выборка; журналистские практики на самом деле гораздо более разнообразны, чем респонденты декларируют в ответах на анкету; специфика культурного контекста каждой страны приводит к излишней абстракции в выводах исследования. К тому же за последние 15 лет политических структурных изменений описанные культуры должны были поменяться.

В 2016 г. Ханицш и соавторы пишут о том, что, несмотря на все достижения сравнительной методологии за последние 20 лет, знания о силах, лежащих в основе различий в профессиональных ориентациях, все еще несколько ограниченны (Hanitzsch, Hanusch, Lauerer, 2016: 2). Попытка преодолеть этот разрыв состоялась, но

как результат возник новый вызов – понять, как культурные ценности взаимодействуют с профессиональной культурой журналистов.

М. Дезе в целом критикует институциональный подход, основанный на исследовании только традиционных *(legacy media)* редакций и аффилированных с ними журналистов (Deuze, Witschge, 2018: 170). Б. Добек-Островска в предисловии к проекту «Журналистика в переменах» пишет о том, что большинство исследований до сих пор были посвящены западным странам с предположением о глобальности выводов и полученных результатов, которые можно применить и к другим медиасистемам. Вместе с тем исследования редко прослеживали изменения в журналистских культурах, оставаясь описательными и статичными. В последнее же время стали появляться исследования, которые отслеживают динамику, возникли понятия гибридной профессиональной культуры и постпрофессиональной журналистики. Что касается внутренних исследований в рамках одной страны, то их результаты часто оказываются неизвестными англоязычному миру из-за языковых ограничений. Только немногие страны участвуют в глобальных сравнительных исследованиях, и среди них Россия (*Journalism in Change*, 2016).

Изучение непосредственно профессиональных ролей, пишет К. Мелладо, страдает от нехватки теоретической базы для данной категории, исследуется скорее практическое значение ролей в конкретных контекстах (Mellado C. et al., 2017: 19). Это отражается и в сложности определения самого понятия, поскольку авторам сложно найти соответствующий теоретический фундамент для дефиниции. Также невозможно определить конкретные измерения и составляющие этого концепта (профессиональной роли). На нормативном уровне происходит смешение синонимов (медиароль, институциональные роли, индивидуальные профессиональные роли и другие), что говорит о неустойчивости предмета. Профессиональные роли в абстрактном представлении также выглядят более идеальными, чем в реальной журналистской практике, где они смешиваются и не существуют в чистом виде. И все же самое сильное ограничение в изучении профессиональных ролей зарубежным ученым видится в расхождении их понимания на концептуальном уровне и релализацией в практической журналистике.

В целом изучение и журналистских культур, и медиасистем критикуют за генерализацию выводов и упрощение схем. Автор также предлагает критику общей существующей исследовательской парадигмы, которая включает в себя:

- критику количественных методов без дополнения анализа качественными,

- разрыв между исследованиями дискурса и журналистской практики, который может быть дополнен качественным анализом журналистского продукта; сравнение несравнимого при анализе разрыва между дискурсом и практикой (например, поиск отраженных профессиональных ролей в текстах авторов и опрос авторов о профессиональных ролях),

- институциональный подход, ограничивающий поле исследования только рамками традиционных редакций.

Исследования России в сравнении с другими странами: место национальной культуры в глобальном контексте

Как было отмечено выше, российская медиасистема и журналистская культура попадают в сравнительные исследования в 1990-е гг. Важно подчеркнуть, что современный этап развития характеризуется всеобщей *девестернизацией* исследований, что повлияло как на сравнительные исследования, так и на исследования журналистских культур и профессионализма. Сравнительные рамки, классифицирующие средства массовой информации в соответствии с политическими и экономическими системами или региональными медиатрадициями, могут быть полезны при сравнении журналистских идеологий, норм и практики во всем мире, поскольку они признают, соответственно, влияние политических и экономических систем на практику журналистики, а также историческое развитие профессиональной культуры в разных регионах мира.

Ключевые проекты последних 10 лет по сравнительному анализу российской и зарубежной журналистской культуры, в которых российская эмпирика сблизилась с зарубежной методологией, включают: «Миры журналистики» (2012–2015), «Журналистика в изменении – профессиональные журналистские культуры в России, Польше и Швеции» (2011–2015), «Изменяющиеся медиасистемы: вызов стран БРИКС»[3] (2012–2016), «Глобальный журналист в XXI веке» (2008–2012). За исследование в отдельной стране традиционно отвечают представители самой страны, однако в случае с Россией это могли быть также представители Финляндии или Швеции, которые имеют давние традиции исследования российского региона. Представим кратко итоги этих масштабных изысканий.

В рамках основной (второй) волны проекта «Миры журналистики» *(Worlds of Journalism)* под руководством группы профессора

Т. Ханицша был поднят общий вопрос о месте национальной журналистской культуры в глобальном контексте (период полевого исследования 2014–2015 гг., выборка журналистов – 200 000 человек) (*Country report*, 2017).

В 2012–2013 гг. была проведена российская часть исследования «Изменяющиеся медиасистемы: вызов стран БРИКС» (*Media systems in flux: The challenge of the BRICS countries*, 2012–2016). Руководитель проекта – профессор К. Норденстренг. На этом этапе появляется мысль о разделении профессиональных стандартов сотрудников *традиционных* и *новых* медиа.

Проект Г. Нюгрен «Журналистика в изменении – профессиональные журналистские культуры в России, Польше и Швеции» *(Journalism in change – professional journalistic cultures in Russia, Poland and Sweden)* в 2011–2014 гг. охватил 500 журналистов из шести федеральных округов (за исключением Сибирского и Северо-Кавказского) (Anikina, 2013). Помимо социально-демографических показателей, ученых интересовали особенности ежедневных журналистских практик. В этом исследовании российские журналисты продемонстрировали принятие некоторых западных стандартов работы.

В рамках этого же исследования был проанализирован профессиональный выбор журналистов в трех странах (Anikina, 2015). Общим оказалось понимание журналистики как социальной деятельности и малая значимость практических характеристик самой работы (например, безопасности и вознаграждения). Вместе с нормативными представлениями о профессии глубинные интервью показали и реалистичные представления журналистов о себе и своих коллегах. Сильным в этом исследовании оказался и возрастной фактор: в России представители молодого поколения и опытные журналисты демонстрируют разные оценки ситуации.

В целом ситуацию в российской журналистике в 2013 г. нельзя было назвать депрофессионализацией – в контексте дебатов о конце журналистики. Но настроения исследователей по поводу прогнозов на будущее оставались пессимистичными. Они подтверждались и желанием самих журналистов покинуть профессию.

Сравнение России и Швеции также предшествовало вышеописанному исследованию в рамках проекта «Профессиональные журналистские культуры», в котором в 2008–2011 гг. приняли участие шесть учебных заведений (рук. Г. Нюгрен), а в 2010–2011 – 100 журналистов в каждой стране (Nygren, Degtereva, 2012). В первом случае респондентами выступили студенты, а во втором – действующие

журналисты. Результаты показали наличие сходства в понимании ценностей профессии, что подтвердило тезис Д. Уивера о наличии более или менее универсальной журналистской культуры во всем мире. Различия заключались в трактовке этих ценностей. Важный вклад в изучение журналистской культуры в России сделала финский исследователь С. Пасти. Первое исследование петербургских журналистов она провела в 1999 г. (Pasti, 2005), а затем не раз возвращалась к этому региону. Одной из главных гипотез Пасти стали межпоколенческие различия в среде российских журналистов. Она выделила три поколения – условно советское, журналисты переходного периода 1990-х и молодые журналисты нулевых.

В 2007 г. С. Пасти защитила диссертацию по теме «Меняющаяся профессия журналиста в России» (Pasti, 2007), которая основана не только на личных исследованиях, но и на коллективных проектах – *Promoting Independence of Regional Mass Media in Russia* (2002–2004). Исследование состояло из четырех полевых опросов с 1998 по 2005 гг. в 11 регионах. Изменение журналистских ролей Пасти определяет через переход от советской триады *пропагандист-агитатор-организатор* к триаде новейшего времени 1990-х *пиарщик-затейник-организатор*.

В 2012 г. С. Пасти стала соавтором в проекте Д. Уивера «Глобальный журналист в XXI веке» (*Russian Journalists*, 2012). Как и в других работах, авторы отмечают здесь разграничение журналистов 1990-х и 2000-х. Опрос по-прежнему ориентирован на социальный срез профессионального сообщества, включая уровень доходов и удовлетворенность профессией. Важными для анализа стали противоречия в работе и цензура. В исследование были включены и вопросы о том, что влияет на выбор тем и новостных поводов (их значимость для журналиста), а также какие методы работы можно считать приемлемыми.

В 2015 г. Пасти публикуется в монографии «Составляя карту медиа стран БРИКС», пока не учитывающей результаты исследования журналистских культур в 2012–2016 гг. (Pasti, Ramaprasad, 2015). Авторы указывают, что в продолжающемся исследовании будут преодолены ограничения проектов «Глобальный журналист в XXI веке» и «Миры журналистики», которые были сфокусированы на традиционных мейнстримных медиа и не включали всех партнеров БРИКС. Между странами БРИКС было обнаружено множество сходных черт (в первую очередь идея служения обществу), а в сравнении с западными странами обнаружилось основное отличие –

идея о моральном измерении профессионализма. На нескольких уровнях были найдены различия между журналистами традиционных и онлайн-изданий (а также столичными и региональными). В целом развитие журналистики в странах БРИКС, как отмечают авторы, идет по четырем векторам: децентрализация, демократизация, демонетизация и депрофессионализация.

Россия в сравнительной перспективе также стала кейсом для чилийской исследовательницы К. Мелладо и ее партнеров по проекту «Эффективность журналистской роли во всем мире» (2013–2015, ответственные за российский кейс – С. Пасти, С. Давыдов, О. Логунова). В недавнем исследовании гибридизации журналистских культур[4] (19 стран) был сделан вывод о том, что гибридность признаков, которые относятся к разным теоретическим ожиданиям, является нормой в практике исполнения журналистских ролей для всех типов политических систем – продвинутых демократий, переходных и недемократических стран (Mellado C. et al., 2017).

Методология исследований: сходства и различия

Результаты проведенного исследования о сходствах и различиях представлены в таблице.

Таблица 1

Уровень исследования	**Отечественные исследования**	**Зарубежные исследования**
Индивидуальный	Психологические установки, образ себя в профессии, ценности, талант и творчество, мотивация	Концептуализация и восприятие профессиональных ролей *(role conception, role perception)*, ценности
Организационный	Журналистские практики, социальные установки, этика, нормы и стандарты	Журналистские практики *(role performance)* и контент, подотчетность журналистики, этика, нормы и стандарты
Национальный	Понимание профессии, журналистское образование, ценности, влияние на общественные институты	Понимание профессии, журналистское образование, автономность и внешнее влияние, дискурс
Сравнительный между странами	Социально-профессиональные установки, автономность, образование Я. Засурский, Л. Свитич, А. Ширяева (1998 – 2007...)	Социально-профессиональные установки, автономность, образование Д. Уивер (1998–2012) Т. Ханицш (2007–2015, 2018–...) Г. Нюгрен (2011–2015) К. Норденстренг (2012–2016) К. Мелладо (2013– ...)

Обзор текущих эмпирических исследований показал, что, несмотря на критическую оценку ученых, занятых глобальными сравнительными исследованиями, детальное изучение отдельных национальных медиасистем, а также парные сравнения медиасистем продолжаются и развиваются зарубежными исследователями. Основными вариантами детализации внутринациональных исследований стали:

- изучение влияния технологий и цифровизации на журналистскую культуру (*традиционные* и *нетрадиционные* редакционные практики);
- соотнесение журналистской культуры с уровнем демократического развития (незападные демократии либо недемократические страны, а также регионы, объединяющие несколько похожих стран или медиасистем);
- этнография конкретных редакций, изучение журналистской культуры на организационном уровне;
- подробное изучение профессиональных ролей/идеологий (в различной классификации) и их динамики;
- процесс профессионализации/депрофессионализации в конкретной журналистской культуре.

Вместе с расширением списка профессиональных ролей исследователи углубились в соотнесение восприятия ролей и реальной прак-тики журналистов. Несмотря на серьезные ограничения пилотного исследования, К. Мелладо и соавторы предложили методику, которую до сих пор используют другие ученые, не изменяя ее: первый этап включает контент-анализ журналистских текстов на предмет отражения конкретных профессиональных ролей, на втором этапе авторы этих текстов отвечают на вопросы анкеты о восприятии ролевых концепций. Как фактор ограничения исследования авторы признают то, что журналистские тексты подвергаются коллективной редактуре, поэтому не могут рассматриваться исключительно во взаимосвязи с его автором. Слабая связь между восприятием ролей и их воплощением еще нуждается в обосновании.

Буквальный перенос зарубежной методологии, связанной, прежде всего, с измерением отношения журналистов к нормативной шкале профессиональных ролей, на практике приводит к непониманию сути вопроса у респондентов – российских журналистов. Если роль *сторожевого пса* органично вписывается в профессиональное мировоззрение журналистов большинства зарубежных

стран, то в России она воспринимается либо как новоприобретенная ценность, либо как чуждый идеал. Возможно, профессиональные роли, особенно в общественно-политической журналистике, не являются универсальным основанием ни для сравнительного анализа, ни для исследования внутри одной страны. Профессиональные роли журналиста в западном понимании не присутствуют в русскоязычной культуре, в ней мы находим понятия функций журналистики, социальных ролей журналиста, деонтологических заповедей и, например, профессионального самосознания. Так, С. Корконосенко понимает под этим конечную фазу философских, теоретических, производственных дискуссий о назначении и критериях оценки качества редакционного труда[5]. При этом журналисту присущи представления об образе профессии и себя в профессии.

По мнению автора, категория, которая находит отражение во всех описанных выше подходах, — это профессиональные ценности, которые ложатся в основу профессиональной культуры. К категории ценности добавим также понятие профессионального стандарта. В широком понимании профессиональный стандарт вбирает в себя социокультурные и исторические, правовые и этические, технические и рутинные нормы работы в журналистской профессии. Профессиональные стандарты работы реализуются как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Понятие стандарта также тесно связано с понятиями качества и эффективности, то есть существует не только на нормативном, но и на перформативном уровне.

Понятие профессиональных ценностей, являясь частью общих ценностных ориентаций, соприкасается с такими смежными понятиями, как ценности профессиональной деятельности, профессиональная культура, профессиональная этика, профессиональные ориентации и др. Профессиональные ценности могут рассматриваться в двух аспектах: с позиции ориентации личности на профессиональную деятельность как таковую и с точки зрения ценностей конкретной профессии. Ценности как идеальные представления об облике профессионала в конкретной области, а также как отношение к составляющим профессии не являются чем-то нормативным и задекларированным в профессиональном сообществе, но находят свое преломление в профессиональной деятельности (в конкретном поведении и создаваемом продукте) и высказываниях самих журналистов о себе и своей профессии (как

в межличностном, так и в публичном пространстве). Ценностные ориентации в профессии могут включать в себя общественно значимые ценности, ценности содержания труда, ценности статусных достижений, ценности результата труда, ценности, связанные с возможностями саморазвития и самоутверждения в профессиональной деятельности, ценности условий труда, ценности эстетики профессии.

В конечном счете ценности и стандарты, в совокупности с этическими воззрениями, составляют основу профессионализма – одной из самых противоречивых категорий в исследованиях журналистики как в России, так и за рубежом. Отношение к сущности профессионализма в медиамире, где стерлись границы между зарегистрированными СМИ и любительскими ресурсами, может лечь в основу последующих исследований профессиональной культуры журналиста в конкретной стране и журналистских культур во всем мире.

Заключение

Проведенное исследование показало, что отечественные и зарубежные исследования, развиваясь до определенного времени автономно, имели много общего на разных исследовательских, но не теоретических уровнях. Сравнительные исследования в конце XX – начале XXI в. показали, что наибольшая разница в подходах наблюдается в концептуализации и понимании профессиональных ролей, а наименьшая – в ценностных и мотивационных установках журналистов. И в тех, и в других исследованиях пока недостаточное внимание уделяется связи между профессиональными установками и медиапродуктом, а также в целом профессиональному дискурсу как динамической категории. Объединяющим подходом может стать исследование ценностного базиса профессионального дискурса.

Примечания

[1] Рук. – Я. Н. Засурский, авторы С. Г. Колесник, Л. Г. Свитич, А. А. Ширяева в сотрудничестве с Д. Уивером и О. Джонсоном.

[2] Исследование «Миры журналистики» *(WJS)* является научным проектом, который был основан для регулярной оценки состояния журналистики во всем

мире. Основная задача исследования – помочь журналистам-исследователям, специалистам-практикам, медиаменеджерам и политикам лучше понять мировоззрение и изменения, происходящие в профессиональной ориентации журналистов, условия и ограничения, в которых работают журналисты, и социальные функции журналистики в меняющемся мире. Режим доступа: http: // www.worldsofjournalism.org

[3] Автор работы – участник проекта на стадии интервьюирования и подготовки чернового отчета.

[4] Проект *Journalistic Role Performance Around the Globe* (2013–2015). Режим доступа: http://www.journalisticperformance.org/

[5] См., напр.: *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.

Библиография

Аникина М. Е. Трансформирующиеся журналистские культуры в России: исследовательский подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 4. С. 7–21.

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Журналистское сообщество в оценках журналистов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 5. С. 78–94.

Засурский Я. Н., Колесник С. Г., Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Журналист: российско-американские социологические исследования. М.: Эслан, 1998.

Михайлова Д. Р. К вопросу возможности выражения авторской позиции журналиста как слагаемого профессиональной журналистской культуры в условиях становления системы новых медиа // Журналистский ежегодник. 2014. № 3.

Михайлова Д. Р. Особенности профессиональной культуры журналиста в контексте развития современных СМИ: к проблеме утраты значимости творческого компонента // Вестн. ННГУ. 2013. № 4–2.

Олешко Е. В. Профессиональная культура субъектов информационной деятельности: дефиниции и проблематика исследования // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 6.

Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Портрет российского журналиста в динамике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 94–112.

Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Российский журналист и журналистское образование: социологические исследования. М.: ВК, 2007.

Симкачева М. В. Региональная журналистика: ценностные ориентации профессионального сообщества и реальная практика // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. № 4.

Anikina M. E. (2013) A Journalist and Journalistic Culture in Russia. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*: 281–296.

Anikina M. E. (2015) Ideals and values of modern journalists: the search for balance. In *Journalism in Change: Journalistic Culture in Poland, Russia and Sweden, Studies in Communication and Politics*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern,

Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang – International Academic Publishers. Pp. 153–178.

Anikina M. E., Frost L., Hanitzsch T. (2017) *Country Report. Journalists in Russia*. LMU Munich. 5 March, 2017. Available at: worldsofjournalism.org (accessed at: 29.12.2018).

Deuze M., Witschge T. (2018) Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism. *Journalism* 19 (2): 165–181.

Halliki H. (2015) Revisiting National Journalism Cultures in Post-Communist Countries: The Influence of Academic Scholarship. *Media and Communication* 3 (4). Available at: https://www.cogitatiopress.com/mediaandcommunication/article/view/387 (accessed at: 29.12.2018).

Hanitzsch T. et al. (2011) Mapping journalism cultures across nations. *Journalism Studies* 12 (3): 273 — 293.

Hanitzsch T., Hanusch F., Lauerer C. (2016) Setting the agenda, influencing public opinion, and advocating for social change. *Journalism Studies* 7 (1): 1–20.

Hanusch F., Hanitzsch T. (2018) Introduction: Comparing Journalistic Cultures Across Nations. *Journalism Studies* 18 (5): 525–535.

Nygren G., Dobek-Ostrowska B. (eds.) (2016) *Journalism in Change. Journalistic culture in Poland, Russia and Sweden*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

Mellado C. et al. (2017) The Hybridization of Journalistic Cultures: A Comparative Study of Journalistic Role Performance. *Journal of Communication* 67 (6): 944–967.

Nygren G., Degtereva E. (2012) Russian and Swedish journalists. *Journalism Practice* 6 (5–6): 732–743.

Pasti S. (2007) *The Changing profession of a journalist in Russia*. PhD thesis, University of Tampere.

Pasti S. (2005) Two generations of contemporary journalists. *European Journal of Communication*: 89–115.

Pasti S., Ramaprasad J., Ndlovu M. (2015) BRICS journalists in global research. In *Mapping BRICS media*. Routledge. Pp. 205–228.

Russian Journalists and their profession (2012) In Weaver D. H., Willnat L. (eds.) *The Global Journalist in the 21st century*. Routledge. Pp. 267–281.

Vartanova E. L., Balčytienė A., Raeymaeckers K. (2011) Changing Practices of Journalism. In Trappel J. (ed.) *Media in Europe today*. Bristol – Chicago: Intellect. Pp. 221–233.

Vartanova E. L., Lukina M. M. (2018) Russia: Media Accountability to the public or to the state? In *The European Book of Media Accountability*. New York: Routledge Taylor and Francis Group. Pp. 216–224.

Weaver D. (ed.) (1998) *The global journalist: News people around the world*. Cresskill, NJ: Hampton Press.

Notes

The Worlds of Journalism Study (WJS) is a research project that was established to regularly assess the state of journalism in the world. The main task of the study is to help journalists, researchers, practitioners, media managers and politicians to better understand the worldviews and changes taking place in the professional orientation of journalists, the conditions and limitations in which journalists work, and the social functions of journalism in a changing world. Available at: http: // www. worldsofjournalism.org

Project Journalistic Role Performance Around the Globe (2013–2015). Available at: http://www.journalisticperformance.org/

References

Anikina M. E. (2012) Transformirujushhiesja zhurnalistskie kul'tury v Rossii: issledovatel'skij podhod [The Transforming Journalistic Cultures in Russia: a Research Approach]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 7–21. (In Russian)

Dzjaloshinskij I. M., Dzjaloshinskaja M. I. (2005) Zhurnalistskoe soobshhestvo v ocenkah zhurnalistov [Journalistic Community in the Assessments of Journalists]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 78–94. (In Russian)

Mikhajlova D. R. (2014) K voprosu vozmozhnosti vyrazhenija avtorskoj pozicii zhurnalista kak slagaemogo professional'noj zhurnalistskoj kul'tury v uslovijah stanovlenija sistemy novyh media [To the Question of the Possibility of Expressing the Author's Position of a Journalist as a Component of Professional Journalistic Culture in Response to the Formation of the New Media System]. *Zhurnalistskij ezhegodnik* 3. (In Russian).

Mikhajlova D. R. (2013) Osobennosti professional'noj kul'tury zhurnalista v kontekste razvitija sovremennyh SMI: k probleme utraty znachimosti tvorcheskogo komponenta [Features of the Professional Culture of a Journalist in the Context of the Development of Modern Media: Towards the Loss of Significance of the Creative Component]. *Vestnik NNGU* 4–2. (In Russian).

Oleshko E. V. (2014) Professional'naja kul'tura sub#ektov informacionnoj dejatel'nosti: definicii i problematika issledovanija [Professional Culture of Subjects of Informational Activity: Definitions and Problems of Research]. *Uchen. zap. Kazansk. un-ta. Ser. Gumanit. nauki* 6. (In Russian).

Svitich L. G., Shirjaeva A. A. (2005) Portret rossijskogo zhurnalista v dinamike [Portrait of a Russian Journalist in Dynamics]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 94–112. (In Russian)

Svitich L. G., Shiryaeva A. A. (2007) *Rossijskij zhurnalist i zhurnalistskoe obrazovanie: sociologicheskie issledovaniya* [A Russian Journalist and Journalism Education]. Moscow: VK. (In Russian)

Simkacheva M. V. (2008) Regional'naja zhurnalistika: cennostnye orientacii professional'nogo soobshhestva i real'naja praktika [Regional Journalism: Value Orientations of the Professional Community and Real Practice]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki* 4. (In Russian).

Anikina M. E. (2013) A Journalist and Journalism Culture in Russia. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. Moscow State University*: 281–296. (In Russian)

Anikina M. E.(2015) Ideals and Values of Modern Journalists: a Search for Balance. In *Journalism in Change: Journalistic Culture in Poland, Russia and Sweden, Ser.: Studies in Communication and Politics*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang – International Academic Publishers. V.3. Pp. 153–178.

Anikina M. E., Frost L., Hanitzsch T. (2017) *Country Report. Journalists in Russia*. LMU Munich. 5 March, 2017. Available at: worldsofjournalism.org (accessed at: 29.12.2018).

Deuze M., Witschge T. (2018) Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism. *Journalism* 19 (2): 65–181.

Halliki H. (2015) Revisiting National Journalism Cultures in Post-Communist Countries: The Influence of Academic Scholarship. *Media and Communication* 3 (4). Available at: https://www.cogitatiopress.com/mediaandcommunication/article/view/387 (accessed at: 29.12.2018).

Hanitzsch T. et al. (2011) Mapping Journalism Cultures Across Nations. *Journalism Studies* 12 (3): 273–293.

Hanitzsch T., Hanusch F., Lauerer C. (2016) Setting the Agenda, Influencing Public Opinion, and Advocating for Social Change. *Journalism Studies* 17 (1): 1–20.

Hanusch F., Hanitzsch T. (2018) Introduction: Comparing Journalistic Cultures Across Nations. *Journalism Studies* 18 (5): 525–535.

Nygren G., Dobek-Ostrowska B. (eds.) (2016) *Journalism in Change. Journalistic Culture in Poland, Russia and Sweden*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

Mellado C. et al. (2017) The Hybridization of Journalistic Cultures: a Comparative Study of Journalistic Role Performance. *Journal of Communication* 67 (6): 944–967.

Nygren G., Degtereva E. (2012) Russian and Swedish Journalists. *Journalism Practice* 6 (5–6): 732–743.

Pasti S. (2007) *The Changing Profession of a Journalist in Russia*. PhD thesis, University of Tampere.

Pasti S. (2005) Two Generations of Contemporary Journalists. *European Journal of Communication*: 89–115.

Pasti S., Ramaprasad J., Ndlovu M. (2015) BRICS Journalists in Global Research. In *Mapping BRICS Media*. Routledge. Pp. 205–228.

Russian Journalists and Their Profession (2012) In Weaver D. H., Willnat L. (eds.) *The Global Journalist in the 21st Century*. Routledge. Pp. 267–281.

Vartanova E. L., Balčytienė A., Raeymaeckers K. (2011) Changing Practices of Journalism. In Trappel J. (ed.) *Media in Europe Today*. Bristol – Chicago: Intellect. Pp. 221–233.

Vartanova E. L., Lukina M. M. (2018) Russia: Media Accountability to the Public or to the State? In *The European Book of Media Accountability*. New York: Routledge Taylor and Francis Group. Pp. 216–224.

Weaver D. (ed.) (1998) *The Global Journalist: News People Around the World*. Cresskill, NJ: Hampton Press.

Zasurskij Ya. G., Kolesnik S. G., Svitich L. G., Shiryaeva A. A. (1998) *Zhurnalist: rossijsko-amerikanskie sociologicheskie issledovaniya* [A Journalist: Russian-American Sociological Studies]. Moscow: Ehslan. (In Russian)

Поступила в редакцию
14.01.2019 г.